ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТРАТЕГИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ*

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 32: 328.132.5

М.А. ФАДЕИЧЕВА

Все более распространенным, общепринятым и в политической и в научной среде становится мнение, что в современном мире любое государство и общество испытывают в связи с процессами глобализации и миграции этнические вызовы и угрозы. Проявления этих вызовов и угроз усматриваются в увеличении этнического разнообразия, в появлении этнической конкуренции, охватывающей различные сферы, в росте количества этнических субкультур, в усилении кроссэтнической коммуникации и ряде других аспектов. Подобного рода процессы происходят не только в глобальном масштабе, хотя именно глобальный масштаб является наиболее заметным и в первую очередь привлекает внимание политиков, рядовых граждан и представителей политологического сообщества. Из многообразных проявлений складываются вполне устойчивые этнополитические тренды, которые осуществляются в пределах национальных государств, в пределах регионов в составе государств, а также на локальном уровне отдельных поселений. Следует заметить, что эти вызовы и угрозы из экстраординарных требований вступить в борьбу с проблемами превращаются в перманентную повседневную ситуацию, требующую умения вырабатывать новые способы политической жизни и новые способы управления политическими процессами в изменяющихся условиях. Миграции, усиление кроссэтнической коммуникации, умножение этнических субкультур, – уже не столько «вызовы и угрозы», сколько данность происходящих необратимых процессов.

Различные интересы отличающихся по численности этнических групп, этнического большинства и этнических меньшинств, как иммигрантских, так и автохтонных, могут приходить в противоречие и сталкиваться в борьбе за власть, ресурсы и самоопределение. В свою очередь этническая напряженность и этнические конфликты служат четким индикатором социального неблагополучия и нерешенных экономических проблем. Оказываясь не в состоянии ответить на этнические вызовы, снизить их остроту, минимизировать этническую напряженность и управлять этническими конфликтами, власть тем самым демонстрирует свою неэффективность. На этом фоне начинает разворачиваться процесс делегитимации власти как утраты чувства ее законности, а также доверия и поддержки со стороны граждан. И, наоборот, к числу важнейших критериев успешного правления как одного из способов легитимации власти относится отсутствие внешних угроз и внутренних беспорядков. Применительно к данной тематике внешняя угроза – это неуправляемая трансграничная миграция. Внутренние беспорядки – это конфликты, вплоть до вооруженных столкновений, с этническим компонентом, где причиной или поводом является этничность, которые могут происходить как между гражданами государства и новыми трансграничными иммигрантами, так и между автохтонным населением локальной территории и вновь прибывающими внутригранничными мигрантами. Кроме того, в изменяющихся условиях могут обостряться латентные конфликты между этническими группами автохтонного населения, актуализироваться исторические «обиды». В динамично трансформирующихся обществах в условиях глобального мира власть нуждается в перманентной легитимации, требуется постоянная забота власти о своем общественном признании, о доверии и поддержке населения, что в свою очередь служит средством укрепления гражданского сообщества, строительства современных наций [3]. Имидж власти как внутри государства, так и в международном сообществе

*Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН (научный проект № 12 – И – 6 – 2062 «Этнополитические процессы и межэтнические отношения в Урало-Поволжском регионе Российской Федерации»).

связан с этнической политикой, проводимой государством. Этническая политика как система мер в этнонациональной сфере опирается на соответствующую этнополитическую стратегию, которая, в свою очередь, исходит из определенных идеологических установок. Для адекватного понимания разделяемой тем или иным государством этнополитической стратегии следует также выявить наиболее влиятельные идеологические основы, на которых строится соответствующая стратегия. Подобно тому, как существуют смешанные этнополитические стратегии, существуют определяющие их идеологические гибриды. Однако, несмотря на смешение этнополитических стратегий и гибридизацию идеологий, можно обнаружить их чистые формы. Обнаружение модельных этнополитических стратегий государств и их взаимосвязи с чистыми формами идеологий может помочь в анализе конкретных этнополитических проблем, независимо от их масштаба.

В ситуации этнических вызовов возможны три властных стратегии, по-разному влияющие на легитимацию и делегитимацию власти [5, с. 474–475]. Первая стратегия может быть условно обозначена *как стратегия этнополитического дистанцирования*. Этнополитическое дистанцирование как стратегия может иметь место, когда «нет проблем» в межэтнических отношениях, то есть либо на фоне относительного благополучия в этой сфере, либо когда эти проблемы считаются второстепенными, а их решение носит служебный характер для достижения иных целей. Также подобная стратегия «политической близорукости» может привести к тому, что власть не ставит задачу выработки и реализации определенной этнической политики, не управляет миграционными процессами, игнорирует дискриминацию этнических меньшинств, не решает социальные проблемы автохтонного населения и иммигрантских общин. Тогда создается этническая напряженность, которая в результате приводит к этническим конфликтам, выражающимся в разнообразных формах, вплоть до вооруженных столкновений. Такая стратегия может быть свидетельством слабости и неэффективности власти, что подрывает доверие к ней.

Вторая стратегия может быть названа *стратегией этнонационализма*, сущность которой заключается в принятии дискриминационных законов и поощрении практической дискриминации этнических меньшинств, в установлении официальной идеологии «государствообразующей нации», в гласной и негласной поддержке и распространении негативных этнических стереотипов, расовых предрассудков и ксенофобских настроений. Данная стратегия, будучи на первый взгляд, охранительной по отношению к государству и этническим интересам большинства его граждан, будто бы наиболее адекватно выражающей и наилучшим образом защищающей национальные интересы, рассчитывает на поддержку со стороны этнического большинства. Является общепризнанным тезис, что в современном мире в условиях этнических вызовов наблюдается рост этнонационалистических и ксенофобских настроений, зачастую они становятся разделяемыми большинством. Власть может следовать за преобладающими настроениями, подыгрывая и поощряя их, стремясь представить себя по-настоящему «народной». Однако этнонационалистически ориентированная власть не способна ответить на этнические вызовы, не в состоянии найти эффективные решения социальных и экономических проблем, имеющих этнический аспект, что в свою очередь ведет к недовольству ее действиями, и, следовательно, к ее делегитимации. Этнонационализм обладает деструктивным потенциалом в отношении государства. Поощряя этнонационализм и ксенофобию, власть сама себя ослабляет, внося в общество раскол и нетерпимость.

Основой для сохранения и поддержания легитимности власти в полиэтнических государствах может быть признан этнический мир, который нуждается в постоянном культивировании, возможном только при решении проблемы построения общей гражданской идентичности и выработке чувства гражданской общности, независимо от этнической принадлежности. Отсюда может последовать третья стратегия – *стратегия этнического согласия*, строящаяся на эффективной и конструктивной этнической политике. Эта стратегия предполагает деятельность государства по управлению отношениями между различными этносами, проживающими на территории государства. Целью этнополитики, основанной на стратегии этнического согласия может быть установление и укрепление социально-экономического, политического и культурного сотрудничества этносов, содействие удовлетворению этнокультурных потребностей и реализации их интересов, предотвращение и разрешение этнических противоречий и конфликтов, преодоление этнической нетерпимости и препятствование разжиганию этнической розни посредством продвижения гражданской идентичности.

Приведенные стратегии представляют собой модели, которым, как любым моделям, свойственны упрощение и схематизм. Реальная действительность неизмеримо богаче и

сложнее. В реальности этнической политики эти сложности проявляются в двух аспектах: в государственном (внутриполитическом) и в международном (внешнеполитическом). В первом, государственном, аспекте также можно выделить несколько обстоятельств. Во-первых, в действительности эти модельные стратегии могут существовать в противоречивом сочетании в один и тот же исторический период в пределах одного и того же государства. Так, например, современная этнополитическая стратегия Российской Федерации представляется весьма противоречивой, парадоксально сочетающей в себе признаки всех трех модельных стратегий. Во-вторых, в государстве могут противоречиво сочетаться одни идеологические стратегические установки и противоположная им реальная политическая практика. Характерным примером в этом отношении может быть противоречие между анонсированной этнополитической стратегией и осуществляемой политической практикой «сталинского периода» в СССР. В-третьих, этнополитические государственные стратегии могут относительно быстро меняться. Можно выделить комплекс причин, за которыми следует заметное изменение этнополитической стратегии. На это может повлиять смена политического режима, что, как правило, дает новое видение старых проблем. К изменению этнополитической стратегии может привести изменение этнополитической ситуации в целом. Кроме того, к резкому изменению стратегических установлений могут приводить отдельные резонансные, обязательно конфликтные события, в которых присутствует этническая составляющая. Большое влияние на формирование стратегем этнической политики государства оказывают политическая конъюнктура и социальные экспектации. Флюгер общественного мнения вращается по ветру этнических событий, но, вращаясь, он сам гонит ветер этнополитических стратегий в ожидаемом направлении. В ряде европейских стран, в том числе и в России, социологические опросы фиксируют стабильный рост антииммигрантских, националистических и ксенофобских настроений. С учетом общественного мнения этнополитическая стратегия может разворачиваться в сторону популярного ожидаемого. Таким образом, эти изменения могут быть обусловлены внутриполитическими объективными причинами и субъективными факторами.

Во внешнеполитическом аспекте главная сложность заключается в том, что государства, входящие в ту или иную региональную организацию, могут придерживаться различных этнополитических стратегий, что препятствует выработке общих подходов в этнической и миграционной политике на уровне макрорегиона. В общих чертах, например, это относится к региональной международной Шанхайской Организации Сотрудничества, включающей в себя Казахстан, Киргизию, Китай, Россию, Таджикистан, Узбекистан. Несмотря на то, что государства-участники ШОС следуют трем различным этнополитическим стратегиям, в перспективе не исключается возможность выработки общей конструктивной этнической стратегии на уровне макрорегиона. Без подобного рода стратегии направления деятельности ШОС, а именно: сотрудничество в сфере безопасности, экономическое сотрудничество, культурное и гуманитарное сотрудничество, останутся на уровне деклараций. Определенные в связи с основными направлениями главные задачи: укрепление стабильности и безопасности на пространстве государств-участников; борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком; развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия вне относительно схожей этнополитической стратегии будут нереализуемыми. Развитие культурного, социально-экономического и политического сотрудничества этносов, проживающих в данном пространстве, на основе общего стратегического видения этнополитических проблем может послужить реальной основой предотвращения и разрешения этнических противоречий и конфликтов. Другим примером различных государственных этнополитических стратегий в рамках международной организации может служить АСЕАН (Association of South East Asian Nations), к которой относятся Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Хотя эти континентальные и островные государства объединяет региональная география, они существенно отличаются по многим характеристикам. К этим отличиям относятся: территория, численность населения, этнический состав населения, конфессиональный состав, языки, культуры, социальный строй, формы правления (абсолютная монархия в Брунее, конституционная монархия в Камбодже, Малайзии, Таиланде, парламентская республика во Вьетнаме, Сингапуре, президентская республика в Индонезии, Лаосе, Филиппинах) и ряд других. Однако без скоординированной макрорегиональной этнополитической стратегии обеспечение стабильности и безопасности, желаемое процветание и развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе останется недостижимым идеалом.

Этнополитическая стратегия, как стратегия вообще, это – своеобразное искусство управления, основанное на валидных далеко идущих прогнозах. В определении этнополитической стратегии власть может исходить из весьма приблизительного, носящего вероятностный характер прогноза. Основания этнополитики можно обнаружить либо в экономической целесообразности (каковы потребности в трудовых ресурсах), либо в идеологических предпочтениях (каким должно быть население государства по этническому составу). Этнополитическая стратегия также может исходить из экономической целесообразности, детерминированной идеологическими установками (каковы допустимые количественные изменения этнического состава населения при сохранении неизменной национальной идентичности и культуры), при том, что «национальная идентичность не менее важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты» [4, с. 109].

В постсоветской политической науке уделено большое внимание изучению политических идеологий и идейных основ политики [2]. Также существует большой массив отечественных и зарубежных исследований национализма как идеологии, его происхождения, сущности, разновидностей, исторических форм. Однако влияние идеологий на этнополитическую стратегию не прослеживается в полной мере. Вряд ли может существовать политическая стратегия без идеологии. Можно предположить, что имеется связь между различными властными этнополитическими стратегиями и различными политическими идеологиями. Схематично эту связь можно представить следующим образом: стратегия этнополитического дистанцирования – идеология интернационализма; стратегия этнонационализма – идеология этнического национализма; стратегия этнического согласия – идеология гражданского национализма.

Важной задачей для власти является выбор эффективной этнополитической стратегии на основе адекватной идеологии. Каждая из государственных этнополитических стратегий в попытках опереться на ту или иную идеологию неизбежно сталкивается с некоторыми трудностями как в теоретическом, так и в практическом отношении. Классический интернационализм не вполне подходит в качестве основы для современной этнополитической стратегии. Интернационализм как идеология исходит из общности интересов и целей рабочего класса, признает солидарность трудящихся, независимо от их государственной (национальной) и этнической принадлежности. Он равнодушен к вопросам межэтнических отношений, так как для него приоритетными являются классовые отношения и классовая борьба. Однако в условиях постмодерна, в котором деление общества на классы буржуа и пролетариев сменилось более сложной социальной стратификацией, а противоречие между трудом и капиталом существенно трансформировалось, позиции интернационализма оказались подорваны. Политическая мода на интернационализм прошла. Вместе с тем существуют трансграничные связи, сетевые сообщества, транснациональные организации, которые складываются поверх государственных (национальных) границ и преодолевают этнические коммуникативные барьеры, они означают наличие неких «интернациональных» интересов и целей и могут служить основанием для неоинтернационализма.

Этнический национализм с его вульгарной логикой: одна территория – один народ – один язык – одно государство, практически не осуществим, но изнутри подтачивает ту власть, которая избирает его в качестве идеологической основы своей этнополитической стратегии. Он способен ослаблять государства, способен инициировать и воспроизводить локальные или масштабные конфликты на этнической основе, которые могут разворачиваться как на поле языков и символов, так и на улицах и площадях, любой конфликт с этническим компонентом превращать в этнический конфликт. Этнический национализм под видом межэтнических противоречий маскирует противоречия между бедностью и богатством, между маргинальностью и социальной вовлеченностью.

Гражданский национализм возник на основе понимания нации как согражданства. Ценность и смысл согражданства, гражданский патриотизм, приоритет национальной (гражданской) идентичности существуют там и тогда, где и когда преобладает просвещенное большинство людей с особым поведением и определенным набором гражданских качеств, где реально воспроизводится гражданская нация [6]. Гражданская нация отличается от человеческой популяции, оказавшейся в пределах отграниченной государственной территории. Современный гражданский национализм, абсолютизированный в теории и абсурдизированный на практике, также не может быть универсальной идеологической основой государственной этнополитической стратегии. Гуманитарные соображения европейского либерализма в своем гипертрофированном виде превращаются в гуманитарные заблуждения европейского либерализма. Непоследовательное проведение политики мульти-

культурализма, извращенная интерпретация толерантности как «уступки, снисхождения или потворства» [1, с. 77] приводят к ложному выводу о гражданском национализме как негодной идеологии и стратегии этнического согласия как неосуществимой этнополитической стратегии.

Простая схема идеологической обусловленности государственных стратегий в этнополитике приводится для того, чтобы, упростив сложное, получить инструмент, с помощью которого можно понять и объяснить это сложное. В действительности идеология и стратегия связаны неоднозначно, что проявляется в нескольких отношениях. Во-первых, стратегия может быть основана на отрефлексированной, четко выстроенной, систематически изложенной идеологии. Примером может служить интернационализм в государствах мировой системы социализма XX века. Однако может быть и противоположная ситуация, когда власть выстраивает этнополитическую стратегию на незаявленной маскируемой или неоформленной идеологии, существующей на уровне властной интуиции. В большей мере это относится к идеологии этнонационализма. Об этническом национализме как идеологии открыто заявляют только сепаратистские и ирредентистские движения. Во-вторых, может не совпадать официальная этнополитическая риторика, адресованная международному сообществу, и та, которая используется в государстве. Например, предъявляемая стратегия, основанная на идеологии гражданского национализма и мультикультурализма, в качестве общепринятой на уровне международных организаций, может сочетаться с популистской этнонационалистической риторикой для «внутреннего употребления» с целью победы на выборах. В-третьих, связь между стратегией и идеологией неоднозначна также и потому, что идеологии в постмодерне существуют не только и не столько в систематизированном виде в специальных трактатах, сколько представлены неявно, без названий, в так называемых идеологических «дискурсивных практиках» (Т.А. Ван Дейк). Идеологии и идеологемы как отдельные положения идеологии могут проявляться в речах политических деятелей, в научных статьях, в учебниках, в материалах средств массовой информации, в разговорах граждан, анекдотах и т.д. Причем официально заявленная государственная идеология может не совпадать с наиболее распространенными дискурсивными идеологическими практиками.

Эпоха постмодерна с его множественностью и неоднозначностью, неодновременностью, текучестью и постоянной изменчивостью в глобальном мире при относительной устойчивости государства как формы социально-политической общности людей приводит к контекстности и консенсусности политических истин. Можно предположить, что ни одна из государственных этнополитических стратегий: этнополитического дистанцирования, этнонационализма, этнического согласия, не может быть универсальной, так как межэтнические отношения специфичны не только в различных государствах и группах государств регионов, они существенно отличаются в пределах различных территорий одного и того же государства. Также можно предположить, что ни одна из стратегий не может быть выбрана раз и навсегда как наиболее эффективная, так как межэтнические отношения отличаются не только в пространстве государств. Они изменяются во времени в зависимости от изменения целого ряда факторов: климатогеографических, экономических и других, в том числе, политических, идеологических и социально-психологических. В этих условиях управление межэтническими отношениями требует постоянной «подстройки» и корректировки, а этнополитическая стратегия государства становится еще большим искусством.

1. Декларация принципов толерантности [Текст] // Власть и культура толерантности в Свердловской области. Колл. монография. Екатеринбург, 2005. С. 76–80.

2. Малинова, О.Ю. Динамика производства и распространения политических идей в постсоветской России: к постановке вопроса [Текст] / О.Ю. Малинова // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 321–332.

3. Мартьянов, В.С. Справедливы ли этнонациональные деконструкции современных наций? [Текст] / В.С. Мартьянов // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып.6. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. С. 244–257.

4. Тишков, В.А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) [Текст] / В.А. Тишков // Вестник Российской нации. 2009. № 1 (3). С. 107–117.

5. Фадеичева, М.А. Этнополитические стратегии государств в глобальном мире [Текст] / М.А. Фадеичева // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва, 22–24 ноября 2012 г. М.: РАПН, 2012. С.474–475.

6. Фан, И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века [Текст] / И.Б. Фан // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. Вып.8. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 257–278.